

¹Т. В. КОРОТКЕВИЧ, ¹Е. В. ВОРОНЦОВА, ²Ю. Е. РАЗВОДОВСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АЛКОГОЛИЗАЦИИ БЕЛОРУСОВ

¹РНПЦ психического здоровья, Минск, Беларусь,

²Институт биохимии биологически активных соединений НАН Беларуси, Гродно, Беларусь

Приведены факты, свидетельствующие о том, что традиции употребления крепкого алкоголя в белорусской истории и культуре закрепились сравнительно недавно, в отличие от Западной Европы. Описаны виды употребляемых белорусами алкогольных напитков, отношение государственных институтов к производству и потреблению алкоголя населением от периода Великого княжества Литовского до начала XX в., различные общественные инициативы, противостоящие алкоголизации населения.

Ключевые слова: алкоголизация, исторические аспекты алкоголизации, алкогольные напитки, традиции употребления алкоголя.

The review provides historical facts showing that in contrast to the Western Europe mass scale strong alcohol consumption has only recently become an element of Belarussian history and culture. The types of commonly consumed alcoholic beverages are described as well as the attitude of different government institutions to production and consumption of alcohol by Belarussian population starting from the times of Great Principedom of Lithuania and up to the early 20th century. Various public initiatives aimed at to resisting to the population mass-scale involvement in alcohol abuse are described.

Key words: mass-scale alcohol abuse, historical aspects of alcohol abuse, alcoholic beverages, alcohol consumption culture.

HEALTHCARE. 2021; 4: 66—71.

HISTORICAL ASPECTS OF MASS-SCALE ALCOHOL ABUSE IN BELARUS

T. V. Korotkevich, E. V. Vorontsova, U. E. Razvodovsky

Чистый спирт впервые получили арабы в начале VII в. Само слово «алкоголь» арабского происхождения, в переводе означает «одурманивающий». В Западной Европе изготавливать крепкий алкоголь научились в Средние века путем возгонки вина [1].

Для наших предков издревле самыми натуральными были алкогольные напитки из меда. На территории современной Беларуси, где население занималось пчеловодством, никогда не было проблем с сырьем [1]. «Питны мед», который 1000 лет назад, когда не было ни вина, ни водки, был для наших предков самым торжественным, сакральным питьем. Позднее, «питны мед» стал доступным напитком. Для приготовления напитка мед разводили водой, проваривали и выдерживали от нескольких месяцев до 8—10 лет. В сусло перед ферментацией добавляли ягодные соки, травы и импортные специи. Напиток был нескольких видов: из фруктов (ягод), трав и кореньев [2]. Польский поэт-романтик Тамаш Зан (1796—1851) так описывал состояние после употребления напитка: «Ад меду ніхто па зямлі не валачэцца, мед

толькі надае лепшую міну, тапарыць вусы і чупрыны, ліе моц у грудзі, адвагу ў вочы».

Пиво на наших землях появилось с зарождением земледелия, в частности с началом культивации ячменя. Первые документальные подтверждения в истории появления пива в Беларуси зафиксированы в IX—X вв. [1]. Этот напиток изначально создавали с помощью закваски. Позже к нему стали добавлять хмель, который известен в Западной Европе примерно с X в. Настоящее нефильтованное мутное пиво хранилось не более 7 сут, поэтому сразу шло в употребление. Крепость напитка составляла примерно 3—5%. Варили его в каждом хозяйстве, фактически на дому, а также в корчмах, первое упоминание о которых на территории Беларуси приходится на XII столетие [1]. Пиво выступало синонимом алкогольного напитка вообще, это видно из формулировок того времени: в XVI в. говорили не «в состоянии алкогольного опьянения», а «в пиве будучи» [2].

В Средние века производство пива и других алкогольных напитков было свободным, этот процесс никак не ограничивался со стороны

правителей. Князья временами собирали «медовую дань», в том числе с корчем. Так, Сигизмунд I в 1511 г. установил «медовую дань» для владельцев корчем («мы берем корчмы к нашей руке», «...там кажем корчмы сытити, и плат их до скабу нашего носити») [3]. Но на этом весь контроль заканчивался. Каждый мог варить столько медовухи и пива, сколько ему было нужно.

Население Великого княжества Литовского не имело возможности «спиться» в современном понимании слова. Это было связано не только с традициями закусывать, но и с низким градусом потребляемого алкоголя и его качеством. Кроме того, посещать корчму могли себе позволить в основном служилая шляхта, ремесленники, торговцы. Кроме них, по утверждению исследователей, посетителями были и татары. Только евреям запрещалось посещать корчмы [1]. Вместе с тем большую часть населения составляли земледельцы, у которых не было времени и денег для посещения корчмы. В те времена существовали села, где люди в жизни не держали денег в руках, — процветал натуральный обмен.

Расцвет же этого вида предпринимательства приходится на XVI—XVII вв., когда в Великом княжестве Литовском значительно расширяется внутренняя и международная торговля. Корчмы строились в городах, местечках и деревнях, на торговых площадях и главных улицах, близ границ, речных переправ и пристаней, при мельницах, а также на торговых путях. Корчмы «при гостинцах», то есть при торговой дороге, стали одной из «типичных и характерных черт белорусских дорог» [4], что позволяло увеличить доходность такого заведения за счет большего числа посетителей.

В городах незаезжие корчмы назывались шинками. Историк и этнограф М. О. Без-Корнилович (1796—1862) в своих трудах отмечал, что в корчмах и шинках люди веселились, пели, плясали и обсуждали общественные проблемы. Это было место отдыха после работы, где разрешались споры, заключались мировые сделки, где можно было услышать последние новости со всего света. В то же время здесь частенько процветали разбой, кражи и распутность [4].

Порядок открытия и содержания питейных заведений был строго регламентирован и отражен в статутах Великого княжества Литовского, где было указано, как нужно содержать корчму

и какие налоги платить [4]. Особое внимание уделялось запрету на незаконное, без уплаты налога, варение пива в корчмах. В артикуле 17 раздела 3 Статута Великого княжества Литовского 1529 г. говорится о недопущении «корчем покутных», то есть ведения подпольной, незаконной торговли спиртным. Государственная система отслеживала и наказывала корчмарей, которые не были зарегистрированы и не платили налоги в королевскую казну.

На территории Беларуси корчмы существовали до конца XVIII — начала XIX в. По документам XVII—XIX вв. известно еще одно название здания с функциями, близкими корчме, — «аустерия». Существенной разницы между корчмой и аустерией не было, но можно отметить, что это были здания значительных размеров, в основном заезжие, как в деревне Ворняны Островецкого района. В крупных городских аустериях могли появляться торговые лавки — крамы. В деревне Рубежовичи Столбцовского района (1784) аустерия имела 5 лавок, в Слуцке (1815) — 16 [4].

Так что можно сказать, что наши предки в Средние века употребляли преимущественно слабоалкогольные напитки и пиво в общественных местах либо дома во время семейных или религиозных праздников. Семейные традиции употребления алкоголя препятствовали алкоголизации населения. Чрезмерное употребление алкоголя молодежью не поощрялось, старшее поколение строго следило за этим процессом и своевременно пресекало нарушение традиций питья.

В дальнейшем алкогольные традиции постепенно менялись, что было связано с распространением водки, или хлебного вина [1]. В зависимости от степени дистилляции крепость водки колебалась от 15—20% («простая») до 70% («акавита»). «Aqua vitae» (от лат. — вода жизни) называли водку или винный спирт, полученные через двойную либо тройную дистилляцию вина, позднее также водку из солода, зерна, муки и др. Первоначально «акавиту» использовали как аптечное средство для настоя лекарственных трав [2].

Начало распространения производства крепкого алкоголя населением, проживавшим на территории современной Беларуси, относят к середине XVII в. Первыми производство «горелого вина» у себя дома наладили представители шляхты и зажиточной части населения,

при этом каждый стремился варить его по собственному рецепту. На основе водки готовили различные ликеры, настойки, наливки с добавлением ароматных трав и ягод, меда, специй, сахара [2, 5].

У крестьян водка упоминается прежде всего в традиционных обрядах: ею одаривали колядовщиков, угощали гостей на новоселье, отмечали покупку коровы, ее пили на свадьбах и поминках. До второй половины XIX в. для большей части населения это был ритуальный, а не повседневный напиток. Более распространенным было употребление водки среди представителей шляхетской знати [1, 6]. С XVIII в., когда технический прогресс сделал процесс дистилляции общедоступным, свои уникальные зубровки, крупники, крамбамбули выдумывали в каждой усадьбе.

Широкое распространение крепкого алкоголя среди населения в XIX в. связано с появлением картофельной водки. До этого момента ее производство не носило массового характера, что не нашло отражение в исторических документах. Начиная с 1840-х гг., когда картофель в Беларуси превратился в полноценную техническую культуру, водку начали производить из этого овоща, а не из зерна. Бровары переходили на картофельный спирт, производство крепкого алкоголя стало намного экономичнее, что еще больше способствовало его распространению среди населения [1].

В XIX в. на территории белорусско-литовских губерний Российской империи было сосредоточено самое большое количество винокуренных заводов, хотя и невысокой производительности. Однако, как отмечал российский экономист и статистик В. К. Дмитриев (1868—1913), литовцы и белорусы отличались умеренностью в употреблении спиртных напитков: «Сравнительно низкое потребление Северо-Западного района находит себе объяснение в этическом и вероисповедном составе населения... большое значение имеет также религия: среди католической части населения потребление значительно ниже, чем среди православной, несмотря на одинаковое экономическое положение...» [7]

На протяжении столетий для государственных институтов производство и продажа алкоголя являлись одним из способов пополнения государственной казны, при этом налоговые инструменты, позволявшие увеличивать доход

от массовой продажи спиртного, постоянно совершенствовались путем создания различных систем — откупной, акцизной, монопольной. Если в 1819 г. доход от производства и продажи алкогольных напитков составлял 11% поступлений в бюджет Российской империи, то со второй половины XIX в. — третью часть бюджета, опережая по прибыльности многие другие его статьи. В конце XIX в. начинают писать о «пьяном бюджете» России [8]. Следует заметить, что импортные вина до середины XIX в. занимали первое место среди статей импорта на территории современной Беларуси [2].

Росту потребления алкоголя на белорусских землях способствовала особая организация питейного дела. Откупная система, в соответствии с которой право торговли водкой государство делегировало ограниченному количеству откупщиков, распространялась только на города с двухверстной от них чертой, в остальной местности право на производство и продажу спиртных напитков предоставлялось помещикам, которые были обязаны уплатить сравнительно невысокий налог [9]. Некоторые помещики отдавали продажу вина в своих деревнях на откуп, предоставляя откупщикам дополнительные льготы. По договорам, заключаемым помещиками с откупщиками, их крестьяне «ничего для себя нужного нигде ни у кого не покупали и в долг не брали, как только у сих откупщиков, и никому из своих продуктов ничего не продавали... а сии, покупая от крестьян и продавая им втрое дороже и дешевле истинных цен, обогащаются барышами и доводят поселян до нищеты...».

В таких условиях резко возросли продажа и употребление алкоголя. В пяти западных губерниях одно питейное заведение приходилось на 320 человек, в то время как в среднем по России — на 1945. Потребление водки в 1858 г. составило 1,52 ведра на человека в год, в среднем по России — 0,54 ведра [8].

Однако среди народа существовали силы, которые сопротивлялись широкому распространению употребления алкоголя [10]. О проблеме пьянства заявляли представители интеллигенции. Поэт, фольклорист и этнограф Ян Чечот (1796—1847) советовал пьющим: «Кіньце піць! Доля-шчасце пачне жыць, дзе цяв-роза хата» [11].

Во многих белорусских городах по инициативе католической церкви создавались

братства трезвости, которые проводили активные мероприятия антиалкогольной направленности [12, 13]. В Виленской, Гродненской и Могилевской губерниях братства трезвости стали возникать еще в конце 1840-х гг. В феврале 1859 г. больше половины населения Гродненской губернии входило в состав обществ трезвости [12]; в 1860-е гг. в западных областях Беларуси в состав таких обществ входило до 80% населения. В небольшом белорусском городке Ошмяны, в котором проживало 1725 жителей, членами братства трезвости было 900 человек. Вступление в члены братства проводилось в торжественной обстановке, с обещанием вступающего перед алтарем и ксендзом отказаться от приема алкоголя на всю жизнь [12]. Кроме того, в костелах заводили специальные книги, в которых на русском и польском языках желающие вступить в братство записывали текст обещания никогда не употреблять водку, а затем указывали свою фамилию. Нарушившему обет грозило «божье проклятье».

Создание и деятельность католических братств трезвости ускорили открытие аналогичных православных организаций. В конце 1850-х гг. в приходах по инициативе или при активной поддержке церковнослужителей начали открывать общества трезвости [14], которые пропагандировали отказ от употребления алкоголя: «...Не каждая наука есть правдивая, а только та, которая основана на законах Божьих... она учит нас быть трезвыми, трудолюбивыми, милосердными, учит уважать все чужое, не мстить ближнему своему... и даже любить неприятелей своих...» [15]

Быстрое распространение братств трезвости привело к снижению доходов бюджета от продажи алкоголя. Массовый отказ от употребления алкоголя привел к тому, что производство и продажа спиртного перестали приносить доход. Так, в Могилевской губернии доход от продажи спиртных напитков в 1859 г. снизился на 8%. В Минской губернии, где антиалкогольное движение охватывало до 20% населения, в 1860 г. употребление алкоголя сократилось с 110 179 до 75 818 ведер водки [12]. Только в Минской губернии были закрыты 35 помещичьих винокурен, во многих местах пустовали шинки, несмотря на предложения алкоголя по бросовым ценам. Писатель-революционер Н. А. Добролюбов (1836—1861) так характеризовал ситуацию: «О старании самого откупа со-

блазнить крестьян нечего и говорить. ...Откупщики в Виленской губернии ставили сначала восемь грошей за кварту вина вместо прежних четырнадцати, потом вино подешевело в шесть раз; наконец — перед корчмами выставляли иногда даже даровое вино... Ничего не помогало».

Бойкот винных откупов принимал различные формы [16]. В ряде мест крестьяне без всяких договоров прекращали пить спиртные напитки, устанавливая твердые нормы их употребления в таких случаях, как свадьба, крестины, похороны и т. д. Единодушие, проявленное населением в борьбе против откупной системы, вызвало серьезные опасения у царского правительства. Чтобы приостановить развитие движения, министерства финансов, внутренних дел и государственных имуществ в марте 1859 г. издали распоряжения и циркуляры о запрещении и уничтожении обществ трезвости и «недопущении составлять их впредь». По питейным делам были арестованы и брошены в тюрьмы и сосланы в Сибирь более 11 000 крестьян. В Новогрудке были привлечены к ответственности и приговорены к штрафу даже те люди, которые расклеивали печатные обращения к жителям не пить водки.

Результатом этого движения стала отмена властями винных откупов. Однако с 1 января 1863 г. вместо отмененных откупов свободная торговля алкогольными напитками была разрешена любому, кто заплатил акциз — налог с продажи напитка. Результатом этого нововведения стал быстрый рост количества кабаков, который привел к резкому увеличению количества потребляемого алкоголя, и, как следствие, резко возросло количество его «жертв». К концу XIX в. на территории Беларуси в год производилось больше 16 л водки на человека [12].

В 1894 г. в Российской империи введена монополия на продажу водки. Оттуда и популярное в то время название кабаков — «монопольки». Те, кто держал питейные заведения, выкупали монополию у государства и должны были «делать план» по реализации водки.

После введения государственной винной монополии (на белорусские земли этот закон пришел в 1897 г.) начали распространяться домашний алкоголизм и пьянство по подворотням. В государственных лавках позволялось покупать напитки только навынос — так алкоголь начал проникать в семью.

Известный до революции психиатр профессор И. А. Сикорский (1842—1919), сравнивая два периода — 1884—1889 и 1889—1893 г. — по количеству совершенных в Российской империи преступлений и размерам употребления в эти периоды спиртных напитков, пришел к выводу, что с возрастанием потребления алкоголя увеличилось общее количество преступлений у мужчин на 10%, у женщин — на 25% [17].

В декабре 1898 г. в письме на имя министра внутренних дел известный собиратель песен на Пинщине Д. Г. Булгаковский (1843 — после 1918) писал: «...С введением казенной продажи вина началась у нас весьма деятельная борьба против... пьянства, которая и ведется у нас разными путями и средствами. В числе таких средств, имеющих существенное значение в этой борьбе, литература и искусство бесспорно должны занять одно из главных мест...» Д. Г. Булгаковский также является автором серии рисунков о вреде пьянства. Таких альбомов не было ни в России, ни за границей. На Всемирной Парижской выставке 1900 г. по отделу социальной экономии автор удостоен за них серебряной медали [18].

Д. Г. Булгаковский так описал рисунок: «Еще недавно это был хороший человек, трудолюбивый работник, добрый семьянин, всегда в доме у него был порядок и опрятность, и сам он ходил чисто. Но вот начал он попивать, а потом и запивать и напиваться до бесчувствия. И, конечно, изменился он совершенно: совесть, стыд — все исчезло. Посмотрите, например, где этот несчастный нашел место, чтобы поспать: на какой-то навозной куче, на окраине города. Очевидно, где пил, там и свалился, так как для

«Ночлег пьяницы» из иллюстрированного альбома Д. Г. Булгаковского «Эхо. Пьянство и его последствия».

пьяного все нипочем. Да и проспится он, так не почувствует стыда, что отдыхал в таком месте» [18].

Знаменательным событием в истории борьбы с пьянством явились мероприятия по подготовке I Всероссийского антиалкогольного съезда, который проходил в Петербурге с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. Русские ученые активно выступали с резким осуждением теорий «умеренного» потребления алкоголя, замены крепких напитков вином и пивом [9]. «Борьба с пьянством и алкоголизмом должна идти под лозунгом абсолютного воздержания от спиртных напитков» — такую резолюцию вынесли участники съезда по борьбе с пьянством [8].

По данным статистики того времени, северо-западные губернии даже в 1913 г. употребляли значительно меньше алкоголя, чем население империи в среднем. В Ковенской губернии выпивали 1,62 л абсолютного алкоголя, в Виленской — 1,77, в Витебской, Гродненской, Могилевской и Минской — от 2,16 до 2,31 л; в среднем в империи эта цифра составляла 3,25 л [7].

Продажа спиртных напитков (водки, вина и пива) была запрещена 19 июля 1914 г. в связи с объявлением войны [12]. Однако спиртные напитки продавались в трактирах I разряда, клубах и буфетах при благородных собраниях. Аптекам разрешалось отпускать спирт по рецептам (до 5 л). Запрет 1914 г. нет оснований считать сухим законом, так как под сухим законом понимается запрет на всей территории страны производства, продажи и перевозки, включая ввоз и вывоз алкогольных напитков с целью их потребления. Запрет просуществовал 11 лет и был отменен в 1925 г. уже в Советской России [12].

Несмотря на то что алкоголь неизменно присутствовал в повседневной жизни человека, его чрезмерное употребление всегда порицалось обществом [19]. На каменной плите, найденной в Египте, была надпись «Не погуби себя, когда сидишь в пивной, не теряй разума и не забывай своих клятв...». На белорусских землях пьянство считалось большим грехом и позором. Пьянство и сегодня является социально осуждаемым явлением. Белорусский публицист, редактор, поэт, общественно-политический деятель С. А. Рак-Михайловский (1885—1938) писал: «Пакуль людзі будуць піць алкагольныя напіткі, датуль не завядуць у сябе добрага ладу, датуль не будзе ім шчасця, а толькі будзе з жыцця цяжкае гараванне» [20].

Контактная информация:

Короткевич Татьяна Валерьевна — к. м. н.,
зам. директора по организационно-методической работе.
РНПЦ психического здоровья.
Долгиновский тракт, 152, 220053, г. Минск.
Сл. тел. +375 17 335-30-85.

Участие авторов:

Концепция и дизайн исследования: Т. В. К.
Сбор информации и обработка материала: Т. В. К., Е. В. В.
Написание текста: Т. В. К., Е. В. В.
Редактирование: Т. В. К., Ю. Е. Р.

Конфликт интересов отсутствует.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Тарналицкий Т. Беларусь и алкоголь. Как шляхта пропила Великое княжество Литовское. Белорусский журнал. Режим доступа: <http://journalby.com/news/belarusy-i-alkogol-kak-shlyhta-propila-velikoe-knyazhestvo-litovskoe-708>. Дата доступа: 05.08.2020. [Tarnalitsky T. Belarusians and alcohol. How the gentry drank the Grand Duchy of Lithuania. Belaruskiy zhurnal. Access mode: <http://journalby.com/news/belarusy-i-alkogol-kak-shlyhta-propila-velikoe-knyazhestvo-litovskoe-708>. Access mode: 05.08.2020. (in Russian)]
2. Кухмістр Верашчак. Сакатала бочачка: праўдзівая гісторыя нашых напояў. Мінск; 2017. 208 с. [Cook Verashchaka. Barrel Squealed: a great history of our beverages. Minsk; 2017. 208 s. (in Belarussian)]
3. Статут Великого княжества Литовского 1529 года: материалы междунар. науч.- практ. конф. Минск; 1960: 132—216. [Statute of the Grand Duchy of Lithuania in 1529: Materials of international scientific and practical conference. Minsk; 1960: 132—216. (in Russian)]
4. Хворов В. Корчма в Беларуси. Режим доступа: <http://nasledie-sluck.by/ru/sluchina/architecture/5434/>. Дата доступа: 05.08.2020. [Khvorov V. Tavern in Belarus. Access mode: <http://nasledie-sluck.by/ru/sluchina/architecture/5434/>. Access date: 05.08.2020. (in Russian)]
5. Белый А. Самогон и крамбамбуля не национальные напитки, наши белорусские — крупник и старка. Режим доступа: <https://nashaniva.by/?c=ar&i=189302&lang=ru>. Дата доступа: 05.08.2020. [Belyj A. Moonshine and krambambula are not national drinks, krupnik and starka are our Belarusian beverages. Access mode: <https://nashaniva.by/?c=ar&i=189302&lang=ru>. Access date: 05.08.2020. (in Russian)]
6. Курс С. Мала сонца, нялегкая жытка: як співалася Беларусь. Наша гісторыя. 2019; 4: 19—35. [Kurs S. Little sun, not easy life: how Belarus drank to death. Nasha gistoryya. 2019; 4: 19—35. (in Belarussian)]
7. Дмитриев В. К. Критические исследования о потреблении алкоголя в России. Москва; 1911. 301 с. [Dmitriev V. K. Critical Research of Alcohol Consumption in Russia. Moscow; 1911. 301 s. (in Russian)]
8. Протко Т. С. В борьбе за трезвость. Страницы истории. Минск: Наука и техника; 1988. 168 с. [Protko T. S. Struggling for Sobriety. Pages of history. Minsk: Nauka i tekhnika; 1988. 168 s. (in Russian)]
9. Пьянство и расточительность: поучение. СПб.: Александро-Невское об-во трезвости; 1907. 7 с. [Drunkenness and wastefulness: Lesson. SPb.: Aleksandro-Nevskoye ob-vo trezvosti; 1907. 7 s. (in Russian)]
10. Пщелка А. Р. Водка. Вильна: Крестьянин; 1907. 21 с. [Pshchelka A. R. Vodka. Vilna: Krest'yanin; 1907. 21 s. (in Russian)]
11. Чагадаева О. А. «Сухой закон» в Российской империи в годы Первой мировой войны: по материалам Петрограда и Москвы. Москва: АИРО-XXI; 2016. 255 с. [Chagadaeva O. A. Russian Empire during the First World War: after Petrograd and Moscow materials. Moscow: AIRO-XXI; 2016. 255 s. (in Russian)]
12. Астанковіч С. Чаму ў Беларусі пілі менш, чым у Расіі? Наша гісторыя. 2019; 7: 20—4. [Astankovich Ch. S. Why people drank less in Belarus than in Russia? Nasha gistoryya. 2019; 7: 20—4. (in Belarussian)]
13. Война и мир священника Г. С. Петрова. СПб.; 1904. 61 с. [War and Peace of Priest G. S. Petrov. SPb.; 1904. 61 s. (in Russian)]
14. Пашков Н. О. Социальный аспект деятельности христианских конфессий в Беларуси (последняя треть XIX — начало XX века) на примере борьбы с алкоголизмом. Социально-политические науки. 2017; 4: 169—72. [Pashkov N. O. The social aspect of the activities of Christian confessions in Belarus (the last third of the 19th — early 20th centuries) on the example of the fight against alcoholism. Sotsialno-politicheskie nauki. 2017; 4: 169—72. (in Russian)]
15. Папячыцель трэзвасці. Слова аб праклятай гарэлцы. СПб.; 1900. 9 с. [Sobriety Curator. Message about Damned Vodka. SPb.; 1900. 9 s. (in Belarussian)]
16. Зайцаў М. М. Барацьба беларускага сялянства супраць вінных водкупаў напярэдадні рэформы 1861 г. Весті НАН Беларусі. Сер. гуманітарных навук. 1984; 3: 67—74. [Zaitsau M. M. Struggle of the Belarusians living in the country against wine taxes before 1861-year reforms. Vestsi NAN Belarusi. Humanitarian sciences Ser. 1984; 3: 67—74 (in Belarussian)]
17. Сикорский И. О влиянии спиртных напитков на здоровье и нравственность населения. Киев: Типо-лит. И. Н. Кушнеров и К.; 1899. 96 с. [Sikorskiy I. To influence of alcoholic beverages on the health and morality of the population. Kiev: Tipo-lit. I. N. Kushnerov i K.; 1899. 96 s. (in Russian)]
18. Булгаковский Д. Г. Эхо. Пьянство и его последствия. Иллюстрированный альбом с бытовыми сценами из жизни людей, преданных пьянству. Режим доступа: http://правовая-наркологию.рф/images/documents/otech_doc/monografiya/1900_bulgakovskii_eho_orig_v.pdf. Дата доступа: 05.08.2020. [Bulgakovskiy D. G. Echo. Drunkenness and its consequences. Illustrated album with everyday scenes from the life of people devoted to drunkenness. Access mode: http://правовая-наркологию.рф/images/documents/otech_doc/monografiya/1900_bulgakovskii_eho_orig_v.pdf. Access date: 05.08.2020. (in Russian)]
19. Злотников А. Г. Алкоголизм — социальная патология. Минск: Беларусь; 1988. 64 с. [Zlotnikov A. G. Alcoholism is a social pathology. Minsk: Belarus; 1988. 64 s. (in Russian)]
20. Рак С. Страшны вораг: кніжка аб гарэлцы. Менск [Мінск]: Белтрэстдрук; 1924. 38 с. [Rak S. The enemy is terrible: book about vodka. Mensk [Minsk]: Beltrestdruk; 1924. 38 s. (in Belarussian)]

Поступила 02.11.2020.

Принята к печати 05.11.2020.